

Личность и творчество Н.Я. Данилевского

Александров Н.Н.

Как хорошо выразился царь, ссылая оправданного следствием по делу петрашевцев Н.Я. Данилевского в Вологду: “Чем умнее и образованнее человек, тем он может быть опаснее”! В определенном смысле царь ошибся: Данилевский прожил дальнейшую жизнь, не доставив монархии никаких политических неприятностей. Осмысляя его судьбу, Н. Страхов (в письме Л.Н. Толстому) написал: “Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная”. Но все созданное Данилевским с момента возникновения жило и живет самой бурной жизнью. И здесь царь оказался-таки прав: культурная закваска в этом человеке имела весьма взрывоопасный характер, не сравнимый ни с какими бомбами и деяниями политических партий. Причину следует назвать сразу: Данилевский сумел подняться в своей теории над историей и проследить ее логику применительно к его любимой России. Он искал и нашел уникальное и единственно возможное место России в истории.

Данилевский ярко талантлив во всем, что он делает, но, кроме того, он элитарно образован, и это – заслуга его родителей. Первичный исток элитности у Данилевского тот же, что и у Пушкина, – дворянское происхождение плюс Царскосельский лицей. Затем последовал Петербургский университет, а остальные университеты жизни он проходил уже в самых суровых условиях экспедиций.

Хотя чаще всего о нем пишут как об аналитике социума, имея в виду его прославленную книгу и яркую публицистику, Данилевский преимущественно естественник и по образованию, и по роду занятий, и, как говорится, по жизни. Его магистерская диссертация посвящена ботанике, и она конкретно-описательна (изучение флоры его родной Орловщины). Во-вторых, он настоящий практик, исследователь и управленец: все водные ресурсы и рыбные

запасы европейской части России исследовал он, а это – 9 длительных многолетних экспедиций, он и умирает в одной из своих поездок для изучения рыболовства.

Обратим внимание, что именно экспедиции от Каспия и Астрахани, от Черного и Азовского морей до звериных промыслов на Белом море и на Ледовитом океане заложили в него ощущение естественного масштаба России, Данилевский исколесил ее и исходил собственными ногами, побывал, кроме того, и в Персии, и в Норвегии. Он был награжден золотой медалью Русского географического общества, но его достижения в области географии еще никем достойно не освещены.

Как подчеркивает один из исследователей его деятельности, “не меньших успехов он достиг и на административном поприще. Войдя в конце своей карьеры в состав Совета Министерства государственных имуществ, Данилевский принял самое активное участие в выработке законов, которые регулировали состояние рыбных богатств страны вплоть до начала XX в.”. Таким образом, перед нами еще и государственный политик, знающий силу законодательных норм и отстаивающий естественные интересы России в данной сфере.

Очень важным представляется нам тот факт, что Данилевский попытался осмыслить и опровергнуть самую мощную эволюционную теорию своего века – дарвинизм. Его неоконченный двухтомный труд “Дарвинизм. Критическое исследование” посвящен критике дарвиновской теории эволюции организмов и его учения о естественном отборе. Причину развития живого в разнообразии видов он обнаруживает *в деятельности высшего разума*. И это – главное: Данилевский сменил масштаб эволюции, выйдя на уровень выше самодвижущейся материи (в которой естественный отбор является единственно возможным объяснением эволюции). Сменив масштаб и акценты, он тем самым задал сам для себя общеметодологический научный контекст всего, что писал

позднее, в том числе своей главной социологической работы. Но при этом он не стал идеалистом: жизнь природы рассматривалась им на основе принципов *единства материи и духа*. В его “естественном богословии” явно наметилась объединительная линия экзистенции, к которой впоследствии придет Бергсон, но пока – лишь наметилась.

Из этих фактов проистекает многое. Трезвый практик, изучающий флору и фауну, организующий борьбу с вредителями и болезнями растений, политик и нормотворец, он и на общественно-политическую жизнь смотрит прежде всего практично. Его выводы поразительно трезвы, он как-то совершенно не поддается потоку обольстительных западных теорий, характерных для его века. А ведь они оказывали на русскую интеллигенцию почти магическое действие (чего стоит хотя бы восклицание чеховского дяди Вани: ”Я мог бы стать Шопенгауэром!”). Характерно, что в поле его интересов попадают весьма специфические западные авторы.

Его раннее увлечение теорией Ш. Фурье понадобилось ему для отработки своих понятий: он дает трактовку этой теории в гораздо более широком плане и находит в ней гармонизирующий закон целостности. Зарождение циклического мировоззрения Данилевского также можно проследить через “сериарность”, содержащуюся в теории Фурье (гармония ритма).

Его разбор идей Александра фон Гумбольдта отчетливо показывает ориентацию очень молодого еще человека на идеи вселенские, космические, всеобщие, но отнюдь не абстрактно-философские (три его критические статьи о “Космосе” Гумбольдта были опубликованы в небезызвестных “Отечественных записках”). “Всеоживленность космоса” и “сферность” прекрасно ложатся на биологическую подготовку ученого: именно биологу понятна идея всеоживленности, именно биолог способен воспринять сферу живого как взаимосвязанное единство, наделенное целостностью и множественностью! Александр фон Гумбольдт, с его яркостью изложения, послужил для молодого

Н.Я. Данилевского тем же, чем Анри Бергсон – для всей экзистенциальной линии в европейской философии, в частности для Освальда Шпенглера. Но перед нами вовсе не робкий ученик: Данилевский смело вводит, говоря современным языком, *принцип разграничения уровней иерархии истории* и говорит о двух уровнях: существует стихийная политическая история (нижний уровень циклов, где властвует случайность), но существует и история высшего уровня, история детерминированная, пронизанная необходимостью и изучаемая научно-логически. Здесь же он приходит к выводу о постепенном и все большем соединении этих уровней в один (общеисторическое развитие приобретает все более однообразное направление). Как признает А.И. Субетто, это раннее теоретическое положение Н.Я. Данилевского *в определенном смысле* предвосхищает модель детерминации истории на основе общественного интеллекта. Для Данилевского вопрос о необходимости вмешательства человеческого разума в спонтанный ход истории решался положительно.

Важно отметить также, что глобальная теория Н.Я. Данилевского формировалась параллельно не только с теорией А. фон Гумбольта, но и со столь же глобальной теорией К. Маркса (научно-литературную деятельность Н.Я. Данилевский начал в стенах Петербургского университета в 1848 г., когда К. Маркс создавал свои известные “рукописи”). Руководила ими единая *ментальная необходимость*.

В свете элитарной образованности, всеобщих интересов и природной жизненной основательности вполне понятна откровенная ненависть к текстам Данилевского со стороны “чистых философов” и критиков всех мастей. Данилевский поступает в своей методологии как холодный аналитик, умело отделяющий зерна от плевел и ничего не принимающий на веру (и тем не менее его неподражаемый стиль полон настоящей страсти как в ненависти, так и в любви). Его перу принадлежат капитальные труды по вопросам рыболовства и статистики, и статьи о русской географической терминологии, и “Опыт

областного великорусского словаря”. И многое другое! Вот почему, уходя в самые сложные теоретические построения в своей интегративной социологии, он никогда не отрывался от земли – и этим своим свойством он и поныне страшен многим нашим современникам. Говорят, книга Данилевского была зачитана до дыр другим прагматиком – Сталиным.

Н.Я. Данилевский – русский человек, поэтому он проводит линию на последовательную самоидентификацию своего народа в масштабах мировой истории. Здесь, опять-таки, он никому не позволяет навязывать никаких априорных догм, а методично анализирует то, что видит перед собой. Выводы, к которым он приходит, шокируют. И в начале, и даже в середине XX века его главная книга вызывала реакцию в виде оголтелого лая. Большевики пытались превратить его в монархиста, националиста, шовиниста и т.д., а некоторые американцы пишут о нем как о крупнейшем тоталитарном философе, который хочет сравнить их западную цивилизацию с землей (и при этом тщательно изучают его теорию, находя ее практичной и точной в прогнозах). На самом деле вся эта критика – однолинейная: большевиков и американцев объединяет гораздо большее, чем разъединяет: они имеют один идеологический исток в виде рационализма Просвещения.

Его работу буквально травил Вл. Соловьев, ослепленный своей собственной теоретической конструкцией: Данилевский ему представлялся чудовищным антиподом. Кто из них прав, рассудила история. Историческое соревнование выиграл Данилевский: он оказался пророком, выводы которого незыблемы, а предсказания точны. Соловьев мог бы “порадоваться”, ведь его вселенские идеи во многом были-таки реализованы большевиками. Идеи Данилевского пока не реализованы никем, и тем они интересны.

Нередко Данилевского и его “Россию и Европу” приписывают к славянофильской линии в науке и политике. Действительно, он дружил с признанным лидером поздних славянофилов Н.Н. Страховым, который очень

много сделал для популяризации главного труда Данилевского и подолгу гостил у него. Н.Н. Страхов – автор единственной биографии Н.Я. Данилевского. Их обоих навещал патриарх славянофильства И.С. Аксаков, с ним Данилевский дружил и переписывался. Современники называли их “кучкой гонимых”, потому что взгляды этой группы откровенно и активно противостояли как прозападным настроениям русской интеллигенции, так и крайним изоляционистским течениям в политике. По выражению В.В. Розанова, они одни оставались “верными заветам, смыслу и духу земли русской”.

Все это обрисовывает не только круг человеческих пристрастий Данилевского, но и истоки неприятия атомизирующе-разъединительной концепции Запада: индивидуализма, буржуазного эгоизма (“все разграничивающий эгоизм”) и декоративной западной демократии, оборотную сторону которой Данилевский мастерски вскрывает. Эта тенденция для него (как биолога!) неприемлема: она разрушает ту общность жизни, которая так привлекала его у Гумбольта, те объединительные начала общности и коллективизма, которые он обнаружил у Фурье и впоследствии развил.

Попробуем теперь разобраться, в чем состоит вклад Н.Я. Данилевского в историю науки об обществе. Если говорить узко, то это – вклад прежде всего в философию культуры. В 1964 г. Н.Я. Данилевский был признан Международным обществом сравнительного изучения цивилизаций как основатель культурно-исторического и цивилизационного подходов к истории, давший миру первый научный подход к пространственно-временной локализации явлений культуры, как автор теории “культурно-исторических типов”, теории множественности и разнокачественности человеческих культур: “в современной западной философии и социологии культуры имя Данилевского упоминается первым в ряду таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Нортроп, А. Шубарт, П. А. Сорокин, объединяемых общим критическим отношением к европоцентристской, однолинейной схеме общественного прогресса. Автору

“России и Европы”, переведенной на несколько европейских языков, посвящено множество статей в самых престижных научных изданиях Западной Европы и Америки”. Таким образом, перед нами – несомненный классик науки мирового уровня. Но автор приведенной цитаты выражается не до конца. Дело в том, что западная наука после увлечения О. Шпенглером, А. Тойнби, П.А. Сорокиным снова вернулась к труду Н.Я. Данилевского, особенно после того, как его выводы столетней давности получили подтверждение на практике.

Все было бы покрыто академическим глянцем, если бы Данилевский не выступил еще и как предтеча евразийства, и в этом течении – как предшественник Л.Н. Гумилева и В.П. Казначеева.

Запад и сегодня с опаской смотрит на книгу Данилевского, ибо она имеет четкую идеологическую ориентированность: она направлена против поглощения всего многообразия культурно-исторических типов одним, западным, романо-германским. Книга декларирует равноправную самостоятельность русского типа культуры и потому является оружием обоюдоострым: ее применяли в своих целях как враги, так и сторонники славянизма.

Основной вопрос для Данилевского: *имеет ли Россия свое неповторимое культурное качество и историческую судьбу*, или же она входит в Европу – и тогда ей уготована совсем другая историческая роль? Ответ его однозначен: мы не Европа. Через век этот вывод повторит на огромном фактическом материале этногенеза Л.Н. Гумилев. Он крайне актуален сегодня, когда за нас принято решение о “вхождении в мировое сообщество”, интеграции нас в “мировую экономическую систему” и т.п.

Чтобы ответить на этот вопрос, Данилевскому понадобилось дать определение Европы как романо-германского типа культуры. А чтобы получить качественное описание этого особого типа, он предпринял анализ истории и всех существовавших в ней типов культуры. Так появился его прообраз теории локальных цивилизаций, названных культурно-историческими типами. В ряду

их, под номером 11, появился и был качественно описан русский (славянский) тип культуры. Стоит заметить, что в понятии “культурно-исторический тип” у Данилевского скрестились те две линии (детерминистическая и стохастическая), которые он вывел в статьях о “Космосе” Гумбольта. Вывод, последовавший из полученного исторического разнообразия типов культуры, состоял в том, что *все они являются равноправными* и в этом смысле являют собой, как сейчас говорят, “резерв выживания”. К этому выводу мы еще вернемся.

Данилевский утверждает, что для Европы (или более широко понимаемого сегодня “западного мира”) характерна политика двойного стандарта: правильно все, что хорошо для него, а всем прочим рассчитывать на такое же равноправное отношение никак нельзя – и тому есть миллион причин и оправданий. Это показано им на материале западной истории. Нынешняя ситуация монопольного и бесконтрольного властвования США на мировой арене и сопровождающий ее пиар являются прямой иллюстрацией этого положения.

Если проследить корни романо-германского типа культуры, то, по Веберу, индивидуализм и эгоизм как идейная основа этого типа выросли из протестантизма и кальвинизма. Анализ Данилевского значительно глубже, и он касается всей последовательности разделения христианства на две ветви, что привело к противостоянию индивидуалистического католицизма и коллективистского православия (конкуренция и кооперация).

Кроме того, “организменный подход” выдает в нем биолога, понимающего социальные организмы не только как целое, но как целое, включенное в гумбольдтовское *сферное единство*. Перед нами, говоря опять-таки сегодняшними терминами, ясное различие “надсистемного” и “системного” качеств, альтитудное представление истории как в типах культуры, так и в целом. Кстати, формационная теория Маркса имеет точно такой же, двухъярусный, тип построения.

* * *

Для нас очень важно, что Данилевский первым провел аналогию между разнообразием в живой и неживой природе и *разнообразием в истории*. Он недаром так последовательно анализирует с этой позиции дарвинизм. В конечном итоге обобщение “закона разнообразия системы” произошло лишь недавно в рамках системогенетики, Данилевский же был первым, кто применил его на уровне социума и исторически, и типологически связано.

Цивилизация, по Данилевскому, становится носителем жизненного цикла культурно-исторического типа. Здесь совершается переход уже на уровень “подсистемный”, потому что Данилевский вводит понятие об *основных фазах развития* культурно-исторического типа. Такой способ различения и связанности культурно-исторических типов и цивилизаций начинает применяться только сегодня. В целом многомерное разнообразие сегодня понимается как главный резерв самосохранения человечества.

Если мы возьмем за основу предложенную современником Н.Я. Данилевского русским ученым Л.И. Мечниковым четверку наиболее крупных ментальных типов, то ее несложно соотнести с типологическим набором Данилевского, базирующегося на *четырёх типах деятельности*. Тогда у нас получится трехуровневое иерархическое разнообразие, основанное на вложенности систем. Мы этот ход постоянно делаем в наших работах.

Тем же, уровневым, образом Данилевский гениально решает мучительную для всех нас *проблему “общечеловеческих ценностей”*. Такие ценности Запад приписывает себе, только себе, поэтому покорение и унижение всех прочих есть донесение до “неверных” и недоразвитых порядком поднадоевшего факела прогресса (рационализм и техника). Это приводит к оправданию идейного монизма и поглощения всех цивилизаций на Земле одним, западным, типом. Данилевский переходит в иерархии систем на уровень выше и вводит категорию *“всечеловеческого”* (включающего в себя все разнообразие и

состоящее в итоге из него), противопоставляя ее “общечеловеческому”. Тем самым он выступает как один из первых русских космистов.

Данная категория замечательна прежде всего тем, что речь в ней идет о синтезе: общечеловеческий гений должен суметь подняться над Национальностями и воспользоваться всем лучшим, что есть у разных культурных типов. Такой подход прямо противостоит тенденции *поглощения всего*, которая очевидна в действиях и идеологии Запада (романо-германского типа), тенденции, приводящей к унификации и однообразию, а не к разнообразию и увеличению сложности. К чему приводит унификация, легко увидеть на примерах из животного мира: она приводит к катастрофе и вымиранию. И никакие теории “золотого миллиарда человечества” тут уже не помогут. Унификация такого рода есть прежде всего разрушение и поглощение чужого. “Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории,” – писал он.

* * *

Цикличность, отмеченная в развитии культурных типов Данилевским, изменила парадигму истории как единого целого. Линейная парадигма прогресса так или иначе доминирует даже в глобальном построении Маркса, ведь его формации нанизаны на “стрелу прогресса”, введенную в обиход еще в Просвещении.

Но цикличность у Данилевского, кроме всего прочего, связана с законом разнообразия. Он говорит о движении по всему полю цивилизационного разнообразия. Вот его убедительная цитата, разрешающая многие сегодняшние споры: “Прогресс состоит не в том, чтобы все шли в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях”. Приведем нашу графическую

интерпретацию сказанного в качестве закона связанности несущего цикла системы с ее разнообразием:

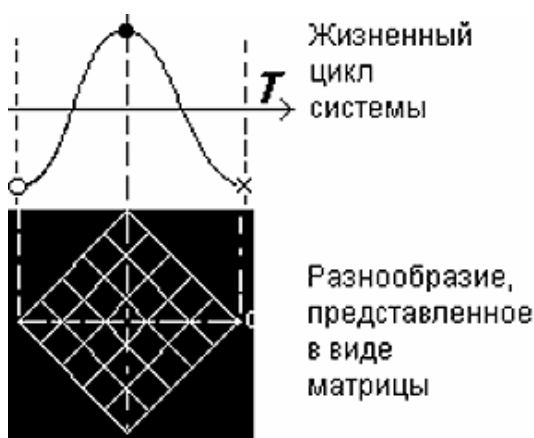

Рис. 1.

По сути, анализ культурно-исторических типов Данилевский проводит, как написали бы сейчас, на базе исследования этнической психологии этих типов (в том значении этноса, которое мы описали в статье на АТ). Он обнаруживает в интересующей его теме (Россия и Европа) характерные черты психического строя романо-германского типа как в целом, так и по отношению к русскому типу культуры в частности. Характерной чертой психического строя романо-германского типа он считает *насилие*, сочетаемое на практике с красивым по форме демагогическим прикрытием этого насилия. По отношению к славянскому типу это выражается в явной и скрытой *враждебности*. Европа не признает и не может признать нас своими – вот его главный вывод.

Данный вывод переводится в область анализа политики, где показывается, к каким невероятным ухищрениям и дымовым завесам прибегал Запад на протяжении истории, чтобы реализовать свою насильственную природу и свою враждебность по отношению к нам. Ту же мысль иллюстрирует на массе исторических примеров Л.Н. Гумилев.

Описанное различие, если говорить о нем на уровне философском, базируется на противоположных доминантах: Запад есть *доминанта материального над духовным* (и потому здесь органичны все формы утилитаризма и

прагматизма, аналитическая основа, мальтузианская мораль и т.п.), Россия есть *доминанта духовного над материальным* (и потому мы “непрактичны” в личностном плане, коллективисты по природе, мы судим по совести, у нас – синтетическая основа и т.д.):

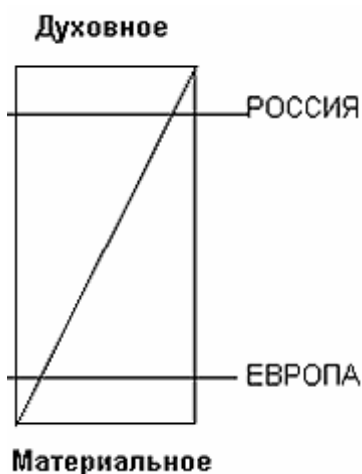

Рис. 2.

Можно на эту проблему посмотреть и иначе, с позиции четверки ценностей. В данном случае возникают две оси, где Запад представляет собой *единство Истины и Пользы*, а противостоящий ему Восток – калокагатическое *единство Добра и Красоты*. Но это – особая тема, она переводит парность в двойную дополительность.

* * *

Можно рассмотреть и такой ракурс, как двухэтажное устройство послепетровской России. Оно было вызвано геополитическими обстоятельствами, но речь – не об этом, речь – о последствиях данного нововведения (кстати, далеко не первого в нашей истории). Бюрократическая верхушка и интеллигенция России в результате этого нововведения понемногу ассимилировали культуру Запада и даже в ряде случаев внесли в нее свой вклад. Во времена Данилевского “прогрессивно настроенные” ряды интеллигенции были чуть ли не сплошь “западниками”, озабоченными более-менее успешным подражанием Западу во

всем (вспомним хотя бы образ Базарова). Прогресс и Запад ассоциировались. Данилевский наперекор этому потоку показывает, что Россия имеет свою, вполне самостоятельную, культурную основу, и основа эта многовековая и весьма крепкая. И все, к чему он призывает, – это **принцип равенства**: мы готовы и можем сотрудничать с Западом на равных. Но западническая часть интеллигенции очень быстро “заряжается” западной же русофобией – и, хотя высказанный Данилевским тезис вполне академический, оголтелой травли такой длительности еще не было в истории.

Западничество в условиях России – это “европейничанье”, термин, во всем подобный “обезьянничанью”. Данилевский и это явление типологически анализирует с позиции пары “содержание – форма”. Даже формальное подражание, утверждает он, приводит к искажению и постепенной подмене содержания. Столь же бессмысленными ему, как органицисту и биологу, представляются “пересадки” чужих институтов, как чужих органов – в совершенно другой в основе организм. Наконец, более всего его возмущает добровольная утрата собственной содержательности, вследствие чего интеллигенция принимает за основу “западный взгляд” на собственную родину и ее судьбу (это превосходно описано у Л.Н. Толстого в сценах разговоров в салоне Анны Шерер). Этот тип искажения действительности превращает нас в рабов Европы безо всякого сражения.

И вот уже 120 лет правота Данилевского только нарастает. Западники не просто превратились в “пятую колону” внутри России – они даже реализовали свои чудовищные эксперименты, взяв власть в 1917 году, и снова продолжают реализовывать очередной западнический эксперимент сегодня. Машина американской идеологической экспансии почти поглотила остатки нашей культуры: средства массовой информации, насквозь прозападные, штампуют верных западников из нашей молодежи. Америка принадлежит американцам,

заявил Монро, чем и прославился. “Подобное учение должно быть и славянским лозунгом”, – резюмирует Данилевский. Но пока его никто не слышит.

Стоит заметить, что поставленная Данилевским проблема оказалась актуальной не только для нас. Всякая историческая и культурная самоидентификация приводит ученых к аналогичным выводам и в ряде других стран.

Как отмечает С.А. Вайгачев, Данилевский не исключал, что в будущем враждебность Европы к независимому самобытному славянству прекратится, но это произойдет не раньше, чем она убедится в неодолимости появившейся на Востоке новой миродержавной силы – Всеславянского союза. По мысли Данилевского, Всеславянский союз необходим как гарант сохранения всемирного равновесия. Этот союз нисколько не угрожал бы окружающему миру, а был бы “мерюю чисто оборонительной”. К этим его словам очень стоит прислушаться современным политикам: чуть только речь заходит о наших попытках воссоединиться, на Западе поднимается невероятный шум, который тут же подхватывают все наши прозападные телеговоруны. Но у истории – свои законы, и их нельзя отменить никакими самыми хитрыми интригами.

* * *

За полвека до Шпенглера Николай Яковлевич Данилевский, не подписывая никакого приговора Западу, считал, что в будущем неизбежно произойдет оплодотворение стареющей культуры Запада молодой русской (славянской) культурой. Удел России – “удел счастливый”: “не покорять и угнетать, а освободить и восстанавливать”. Именно Россия вдохнет в историю новую жизнь и тем вернет ходу мировой истории утраченную душу. “Русское и славянское, святое, истинно всемирно-историческое и всечеловеческое дело – не пропадет”, – сказал Данилевский. Подавляющее большинство его прогнозов сбылось, а значит, сбудется и этот.

Книга Н.Я. Данилевского “Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому” написана

тогда же, когда создавалась эпопея “Война и мир” Толстого, – в середине 60-х годов славного для России XIX века. Оба этих классических произведения живы и вызывают полемику по сей день. То общее, что в них есть, – это многомерная сложность целого, органичная для искусства, она так редко встречается в науке! По-видимому, именно это свойство и обеспечило работе Н.Я. Данилевского столь долгую и бурную жизнь, совершенно не похожую на тихую и подвижническую жизнь этого могучего человека, “типично собравшего в себе светлые народные черты: ясный ум и твердый, открытый характер”.